

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2025-17-6-19-37

УДК 34.096

EDN [OJXJRU](#)

Юрий Владимирович Моторо

Московский университет им. С.Ю. Витте

г. Южно-Сахалинск, Россия

yurimotoro@mail.ru

**КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ
БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ И ПРОГРАММА МЕР
ПО ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ**

Аннотация. Введение. Коррупция представляет собой одну из наиболее серьезных угроз устойчивому развитию современных государств, подрывая эффективность государственного управления, замедляя экономический рост, усугубляя неравенство доходов и разрушая доверие граждан к правовым институтам. В настоящей статье проводится всесторонний анализ современных систем противодействия коррупции на национальном и международном уровнях. **Материалы и методы.** Исследование охватывает период с 2012 по 2025 год и базируется на сравнительном анализе антикоррупционных механизмов различных государств, включая Российскую Федерацию, страны Европейского союза и Азиатско-Тихоокеанского региона. **Результаты исследования.** Особое внимание уделяется оценке эффективности существующих правовых инструментов, институциональных структур и технологических решений в сфере борьбы с коррупцией. В работе представлены конкретные статистические данные, характеризующие динамику коррупционных правонарушений и результативность применения дисциплинарных мер. Анализируются инновационные подходы, включающие применение искусственного интеллекта, технологии распределенных реестров и систем больших данных для выявления коррупционных схем. **Обсуждение и заключение.** Исследование выявляет системные проблемы в реализации антикоррупционных стратегий и формулирует комплексную программу совершенствования существующих механизмов. Предлагаемые меры охватывают правовое регулирование, институциональное строительство, цифровую трансформацию государственных процессов и развитие культуры нетерпимости к коррупции в обществе.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционная политика, декларирование доходов, конфликт интересов, цифровые технологии, прозрачность государственного управления, институциональные механизмы, международные стандарты, UNCAC, индекс восприятия коррупции

Цитирование: Моторо Ю.В. Комплексная оценка действующей системы борьбы с коррупцией и программа мер по ее совершенствованию // Историческая и социально-образовательная мысль. 2025. Т.17 № 6, С. 19-37
DOI: 10.17748/2219-6048-2025-17-6-19-37

Original article

COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE CURRENT ANTI-CORRUPTION SYSTEM AND A PROGRAM OF MEASURES TO IMPROVE IT

Y.V. Mоторо

Witte Moscow University
Yuzhno-Sakhalinsk, Russia
yuriimotoro@mail.ru

Annotation: Introduction. Corruption is one of the most serious threats to the sustainable development of modern States, undermining the effectiveness of public administration, slowing economic growth, exacerbating income inequality and destroying citizens' trust in legal institutions. This article provides a comprehensive analysis of modern anti-corruption systems at the national and international levels. **Materials and methods.** The study covers the period from 2012 to 2025 and is based on a comparative analysis of the anti-corruption mechanisms of various states, including the Russian Federation, the countries of the European Union and the Asia-Pacific region. **Results.** Special attention is paid to assessing the effectiveness of existing legal instruments, institutional structures and technological solutions in the field of combating corruption. The paper presents specific statistical data characterizing the dynamics of corruption offenses and the effectiveness of disciplinary measures. Innovative approaches are analyzed, including the use of artificial intelligence, distributed ledger technology, and big data systems to identify corruption schemes. **Discussion and Conclusions.** The study identifies systemic problems in the implementation of anti-corruption strategies and formulates a comprehensive program for improving existing mechanisms. The proposed measures cover legal regulation, institution-building, digital transformation of government processes and the development of a culture of intolerance to corruption in society.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption policy, income declaration, conflict of interest, digital technologies, transparency of public administration, institutional mechanisms, international standards, UNCAC, corruption perception index

For citation: Mоторо Y.V. Comprehensive assessment of the current anti-corruption system and a program of measures to improve it. Historical and social-educational Idea. 2025. T.17. No 6. P.19-37 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2025-17-6-19-37

Введение

В условиях глобализации и интенсификации трансграничных экономических отношений проблема коррупции приобретает транснациональный характер, требуя скоординированных усилий международного сообщества. Современные исследования демонстрируют фундаментальное противоречие между формальным соблюдением антикоррупционных норм и достижением реальных социальных результатов, что приводит к разрыву между декларируемой политикой и практикой ее реализации.

Актуальность комплексной оценки действующих систем борьбы с коррупцией обусловлена необходимостью переосмысления традиционных подходов в контексте технологических трансформаций и меняющихся форм коррупционных правонарушений. За последние годы коррупционеры значительно усовершенствовали свои методы, используя цифровые инструменты и сложные финансовые схемы, что требует адекватного ответа со стороны правоохранительных и контрольных органов. Статистические данные показывают неоднородность результатов антикоррупционной деятельности в различных юрисдикциях. Согласно международным исследованиям, более трех четвертей стран мира в 2023 г. продемонстрировали стагнацию или регресс в борьбе с коррупцией [1].

Российская Федерация демонстрирует противоречивые тенденции в данной сфере. С одной стороны, количество выявленных коррупционных преступлений выросло на 5,7% в 2024 г., достигнув 38,5 тыс. случаев по сравнению с 36,4 тыс. в 2023 г., что свидетельствует об активизации правоохранительной деятельности [2]. С другой стороны, позиции страны в Индексе восприятия коррупции значительно ухудшились. В 2024 г. Россия набрала 22 балла из 100 возможных и заняла 154-е место из 180 стран, что стало худшим результатом за всю историю наблюдений. Для сравнения, в 2023 г. показатель составлял 26 баллов. Вместе с тем необходимо отметить, что данные индекса восприятия коррупции ежегодно формируются со стороны международной неправительственной организации, поэтому с учетом современных реалий, связанных с отношением международного сообщества к России, необходимо подойти критически к данной

статистике. Безусловно, масштабы коррупции на сегодняшний день в России достаточно внушительные, о чем свидетельствуют статистические данные МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ, а также уголовные дела и задержания высших должностных лиц. Однако в других странах проявление коррупционных деяний не меньше, что будет продемонстрировано и в рамках настоящего исследования.

Данное противоречие между ростом выявляемости правонарушений и ухудшением международных оценок указывает на необходимость критического анализа эффективности применяемых мер и разработки новой стратегии совершенствования антикоррупционной системы.

Обзор литературы

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая в 2003 г., сформировала базовую нормативную основу для развития национальных антикоррупционных систем. Механизм обзора реализации Конвенции представляет собой систему взаимной оценки, сочетающую самоанализ государств и экспертную проверку. В 2024 г. значительный прогресс в транспарентности процесса обзора достигнут Соединенными Штатами Америки, которые наряду с Северной Македонией обеспечили полное соответствие принципам открытости, опубликовав контактную информацию национальных координаторов, обеспечив участие гражданского общества и разместив в открытом доступе как контрольные списки самооценки, так и полные страновые отчеты [3, с. 221].

Семнадцать государств демонстрируют существенное соответствие духу и принципам транспарентности, включая Австрию, Албанию, Австралию, Аргентину, Бельгию, Чили, Францию, Германию, Италию, Маврикий, Монголию, Польшу, Португалию, Словацкую Республику, Словению, Швецию и Великобританию. Число этих стран более чем удвоилось между 2022 и 2023 гг., что указывает на растущее признание важности открытости в процессе противодействия коррупции. Швейцария, несмотря на продолжающийся процесс обзора, активно публикует актуальную информацию о графике проверки, обеспечивает доступность контактных данных национального координатора и значительно вовлекла гражданское общество в визит страновой миссии в октябре 2022 года.

Организация экономического сотрудничества и развития разработала систему индикаторов публичной честности для оценки качества стратегических рамок противодействия коррупции, включающую 45 стандартных критериев, которые охватывают области применения, проблемный анализ на основе фактических данных, консультативные практики, планы действий по реализации, мониторинг и оценку. В среднем страны ОЭСР, имеющие стратегические рамки в 2024 г., выполняют 22 критерия, что составляет 50% от общего числа. Латвия и Чили демонстрируют наиболее эффективные системы, соответствуя более чем 36 критериям, или 80% показателей [4].

Национальные антикоррупционные и интегративные стратегии продолжают фокусироваться на традиционных областях, таких как мошенничество и другие формы коррупции, что актуально для 19 из 20 действующих стратегических рамок в 2024 г., составляя 95% от общего числа. Внутренний контроль и управление рисками охватываются в 17 из 20 стратегий, что соответствует 85%, государственные закупки регулируются в 16 стратегиях, или 80%, а управление человеческими ресурсами включено в 14 стратегий, составляя 70%. Индикатор адекватности реализации использует 15 критериев для оценки качества планов действий и отчетов о мониторинге, при этом в среднем страны ОЭСР выполняют 48% этих критериев.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частноправовых методов познания. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2012 по 2025 г., что позволило проследить динамику трансформации антикоррупционных систем в долгосрочной перспективе. Ключевым методом выступил сравнительно-правовой анализ, посредством которого проведено сопоставление антикоррупционных механизмов Российской Федерации, стран Европейского союза (в частности, Эстонии) и Азиатско-Тихоокеанского региона (Сингапур, Южная Корея). Эмпирическую базу исследования составили статистические данные Генеральной прокуратуры и Следственного комитета РФ, отчеты международных организаций (ОЭСР), а также результаты социологических опросов. Для оценки эффективности действующих мер применялись методы статистического анализа данных о коррупционных правонарушениях и дисциплинарной практике. Формально-юридический метод использовался при анализе нормативно-правовой базы, включая Федеральный закон № 273-ФЗ и международные конвенции. Системный подход позволил сформулировать комплексную программу совершенствования антикоррупционной политики.

Результаты исследования и обсуждение

Правоохранительные и судебные органы составляют центральный компонент антикоррупционных механизмов, функционирование которого определяется качеством нормативно-правовой базы. Деятельность этих институтов должна соответствовать глобальным обязательствам, закрепленным в международных конвенциях и соглашениях. Однако эмпирические исследования выявляют существенные пробелы в правовом регулировании отдельных аспектов борьбы с коррупцией. Несколько государств не предусматривают уголовной ответственности за коррупцию в частном секторе и не обеспечивают законодательной защиты информаторов или свидетелей в коррупционных производствах, что создает уязвимость в фармацевтическом секторе, где принятие решений о выдаче лекарственных средств особенно подвержено коррупционным рискам.

Российская практика противодействия коррупции демонстрирует значительную эволюцию дисциплинарных механизмов. Если в 2016 г. увольнение за коррупционные нарушения затронуло лишь 383 должностных лица, то к концу 2024 г. их количество возросло более чем в десять раз, достигнув 4877 человек. Данная статистика свидетельствует о переходе системы контроля от декларативного характера к реальной правоприменительной практике. Наибольшую активность в выявлении коррупционных правонарушений проявляют Москва, Краснодарский край и Татарстан, где органы контроля и прокуратура осуществляют тесное взаимодействие с Федеральной антимонопольной службой, Министерством внутренних дел и общественными структурами.

Система борьбы с коррупцией в Российской Федерации охватывает период с 2018 по 2024 г., когда Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве провел комплексное исследование практики применения законодательства и дисциплинарной ответственности в рамках Федерального закона №273-ФЗ о противодействии коррупции. Исследование базировалось на двух масштабных источниках данных, что позволило оценить не только динамику правоприменения, но и качество профилактических мер. Экспертное сообщество выделяет несколько устойчивых тенденций в развитии антикоррупционной системы, включая усиление публичности реестра лиц, уволенных за утрату доверия, расширение открытых данных о юридических лицах и реализацию реальных дисциплинарных санкций [5, 1486].

Следственный комитет Российской Федерации сообщил, что за девять месяцев 2022 г. в суды поступило более 8,7 тыс. дел о коррупционных преступлениях, что на 10% превышает показатель 2021 г., когда было зафиксировано 8011 таких дел. В 2022 г. следователи направили в суды более 5 тыс. коррупционных дел и 1169 дел о мошенничестве, что несколько превышает показатели 2021 г., при этом было завершено 458 дел о присвоении или растрате [6]. Эти данные указывают на систематический характер правоприменительной деятельности и растущую эффективность выявления коррупционных схем.

Если обратиться к данным Генеральной прокуратуры РФ, то можно заметить, что количество выявленных коррупционных преступлений в РФ выросло на 24% в первом квартале 2025 г. Зафиксировано 15 458 таких преступлений против 12 466 за первый квартал 2024 г. Доля таких преступлений в общем массиве выросла с 2,6% до 3,2% [7]. Как следствие, имеется тенденция к росту коррупционных деяний.

Конфликт интересов представляет собой ситуацию, при которой личная заинтересованность прямого или косвенного характера лица, замещающего должность, требующая принятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее объективное и беспристрастное исполнение должностных обязанностей. Статья 10 Федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года определяет личную заинтересо-

ванность как возможность получения доходов в виде денежных средств, иного имущества, включая имущественные права, услуги имущественного характера, результаты выполненных работ или какие-либо выгоды и преимущества [8].

Государственные и муниципальные служащие, а также работники внебюджетных фондов и бюджетных организаций обязаны принимать меры по урегулированию конфликта интересов. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации рекомендует закреплять в трудовых договорах всех сотрудников и контрактах служащих обязанности по работе с конфликтом интересов. Для сотрудников, занимающих потенциально коррупционные должности, целесообразно внедрять декларирование конфликта интересов, предварительно определив их перечень. Непринятие государственным служащим, являющимся стороной конфликта интересов, мер по его предотвращению или урегулированию является правонарушением, влекущим увольнение в связи с утратой доверия в соответствии со статьей 11 Федерального закона о противодействии коррупции.

Система декларирования доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера формирует важный превентивный механизм. Не позднее 30 апреля каждого года государственные и муниципальные служащие, работники государственных корпораций и внебюджетных фондов обязаны представлять декларации о доходах за предшествующий год. Министерство труда России разработало методические рекомендации по вопросам представления таких сведений, обеспечивающие единообразие подходов к декларационной кампании. Практика показывает, что недопустимо перегружать декларированием служащих, не имеющих возможности реализовать личную заинтересованность, поскольку это может вызвать негативное отношение к антикоррупционной политике.

В 2024 г. К.С. Идиатуллиной и Н.В. Натаповой был проведен экспертный опрос 18 служащих государственных органов и органов местного самоуправления, а также работников научных и образовательных организаций, которые являются членами комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. Большинство экспертов считают, что данный механизм в России существует и внедрен в рамках борьбы с коррупцией. 53,6% участников полагают, что он является действенной мерой в профилактике коррупции, в то время как остальные выражают сомнения в его эффективности. Большинство экспертов также считают работу комиссий по соблюдению служебного поведения и урегулированию конфликта интересов важной и необходимой, подчеркивая необходимость развития потенциала гражданского контроля и участия населения в мероприятиях по профилактике коррупции. Особенно значимо участие представителей научных и образовательных учреждений, что способствует повышению прозрачности и эффективности данных процедур. По вопросу о вовлечении общественных экспертов большинство высказались, что

их участие не является формальностью, что подтверждает важность гражданского контроля в данном процессе [9, с. 166].

Результаты опроса свидетельствуют о том, что механизм урегулирования конфликта интересов в России признан актуальным и важным, однако его эффективность вызывает разногласия среди экспертов, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований и улучшения существующих процедур в рамках правового регулирования для более эффективной борьбы с коррупцией.

Применение цифровых технологий открывает качественно новые возможности для предотвращения, выявления и пресечения коррупции. Искусственный интеллект и машинное обучение обеспечивают мониторинг в реальном времени, оценку рисков, обнаружение паттернов и предиктивную аналитику. Эти инструменты поддерживают надзорную и следственную деятельность путем автоматизации проверки документов и сбора доказательств. Искусственный интеллект и машинное обучение также усиливают институциональный потенциал через адаптивные персонализированные системы обучения. Продвинутая аналитика данных позволяет обрабатывать большие объемы информации, выявляя паттерны коррупционной активности и информируя процесс принятия решений.

Когда данные из различных источников интегрируются, становится возможным ранее понимание коррупционных рисков и действия с большей точностью. Эти тенденции отражают растущий международный импульс вокруг цифровизации систем обеспечения честности. Международные организации возглавляют этот процесс. Так, Организация экономического сотрудничества и развития использует искусственный интеллект и большие данные для выявления коррупционных рисков и улучшения соблюдения норм, в то время как Система оценки управленческих рисков Всемирного банка применяет аналитику для обнаружения мошенничества в государственных закупках, пилотные проекты которой уже реализуются в Бразилии. В качестве распорядителей основных антикоррупционных конвенций эти институты превращают инновации в инструменты подотчетности.

Технология распределенных реестров представляет собой децентрализованную, неизменяемую и прозрачную базу данных, способную решать проблемы конфиденциальности и обеспечивать хранение данных во времени при гарантировании отслеживаемости, которая не может быть модифицирована. Благодаря своим характеристикам эта технология идеальна для внедрения в устаревшие финансовые и административные системы с недостаточной информационной безопасностью. Технология распределенных реестров может предотвращать коррупцию, обеспечивая цифровые записи, которые невозможно изменить. Международные финансовые институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, помогают правительствам бороться с коррупцией через улучшение транспарентности, подотчетности и институционального строительства.

Антикоррупционная деятельность предоставляет возможности для частных технологических компаний, таких как группа Bitfury, которая подписала контракт с Республикой Грузией на регистрацию земельных титулов с использованием технологии распределенных реестров. Эта технология одновременно служит средством обмена денежными средствами или информацией и базой данных, автоматически регистрирующей транзакции, при этом записи шифруются и хранятся в сети компьютеров, а не в централизованном хранилище, что делает их невосприимчивыми к изменениям или кражам. Страны Латинской Америки, включая Колумбию и Перу, продемонстрировали положительные результаты применения этой технологии для предотвращения коррупции. В Мексике реализована программа мониторинга процессов отбора и закупок поставщиков для программы школьного питания, в то время как в Перу осуществлен проект государственных закупок [10, с. 816].

Электронное правительство развивалось с целью достижения умного управления, и внедрение электронного правительства рекомендуется для искоренения коррупции, поскольку оно воспринимается как прозрачное и подотчетное. Исследование, использовавшее количественный подход, продемонстрировало, что реализация электронного правительства в развивающихся экономиках благоприятна для искоренения коррупции. Специализированные платформы для мониторинга государственных закупок предоставляют возможности для аналитики и отчетности, что позволяет контролирующим органам эффективно выявлять нарушения и коррупционные риски. Эти платформы обеспечивают прозрачность и подотчетность, способствуя более честным и справедливым закупкам, а также снижению уровня коррупции в государственных органах.

Информационные технологии в системе государственных закупок привели к значительному сокращению бумажной работы и улучшению хранения данных. Вместо громоздких архивов и сложной системы учета вся информация хранится в цифровом виде, что упрощает доступ к данным и их обработку, повышая не только эффективность, но и прозрачность всех операций. Открытые данные и публичные реестры являются важными инструментами для обеспечения прозрачности в сфере государственных закупок, предоставляя доступ к информации о всех этапах процесса закупок, начиная от объявления тендера и заканчивая подписанием контракта. Такие реестры позволяют гражданам, журналистам и организациям гражданского общества контролировать процессы и выявлять нарушения.

Бразилия представляет показательный кейс применения инструментов на основе искусственного интеллекта для борьбы с коррупцией, где была реализована 31 инициатива различного характера. Качественный анализ на основе вторичных данных и интервью позволил оценить возможности и ограничения этих автоматизированных систем, предназначенных для выявления и пресечения коррупции. Несмотря на обнадеживающие результаты, исследование выявляет,

что страны разрабатывают и внедряют антикоррупционные инструменты на основе искусственного интеллекта с надеждой на их позитивные возможности, однако по-прежнему отсутствуют эмпирические анализы этих автоматизированных систем.

Эстония демонстрирует выдающиеся результаты в создании эффективной антикоррупционной системы. В 2012 г. страна приняла Закон о борьбе с коррупцией для противодействия коррупции среди всех должностных лиц, включая правительство, правоохранительные органы и другие сферы государственного сектора [11, с. 368]. Этот закон дополняется Законом о гражданской службе, устанавливающим ряд стандартов честности и этики. В феврале 2021 года новое правительство приняло План действий по борьбе с коррупцией на 2021–2025 годы, для которого впоследствии было опубликовано несколько годовых отчетов о деятельности. План действий охватывает такие области, как прозрачность деятельности государства и местного самоуправления, справедливая бизнес-среда, расследование коррупционных преступлений и оценка воздействия антикоррупционной политики.

С институциональной точки зрения Министерство юстиции Эстонии возглавляет антикоррупционную политику правительства и координирует ее реализацию. Страна имеет центральные правительственные органы, ответственные за лоббирование, политику открытых данных, финансирование политических партий, конфликты интересов, внутренний контроль и внутренний аудит. Инспекция по защите данных функционирует как надзорный орган, ответственный за вопросы публичной информации. Эстония улучшила свою позицию в Индексе восприятия коррупции 2023 года, поднявшись на две позиции до 12 места из 180 стран. Ее показатель увеличился с 74 в 2022 г. до 76 в 2023 г.

Эстония, наряду с другими Северными странами, входит в число мировых лидеров цифровой трансформации и управления, используя технологии для улучшения государственных услуг, повышения прозрачности и эффективной борьбы с коррупцией. Благодаря развитому электронному правительству и антикоррупционным мерам страна продемонстрировала значительный прогресс в повышении прозрачности государственного сектора, что транслируется и в частный сектор, а впоследствии отражается в Индексе легкости ведения бизнеса, где Эстония занимает 14-е место из 190 экономик. Исследования показывают корреляцию между этими двумя индексами: страны с низкими показателями в Индексе восприятия коррупции также склонны занимать более низкие позиции в Индексе легкости ведения бизнеса.

Сингапур активно применяет строгие антикоррупционные законы и обычно занимает позицию наименее коррумпированной страны в Азии. В Индексе восприятия коррупции 2023 года Сингапур набрал 83 балла, заняв 5-е место в мире наряду с Данией, которая получила 90 баллов, Финляндией с 87 баллами, Новой Зеландией с 85 баллами и Норвегией с 84 баллами. Успех Сингапура в

борьбе с коррупцией основан на комплексном подходе, включающем строгое правоприменение, прозрачные процедуры государственного управления и высокие стандарты служебной этики.

Азиатско-Тихоокеанский регион демонстрирует неоднородность результатов в борьбе с коррупцией, при этом страны, находящиеся на передовой климатического кризиса, сталкиваются с особыми вызовами. Индекс восприятия коррупции ранжирует 180 стран и территорий по воспринимаемому уровню коррупции в государственном секторе по шкале от нуля, означающей высокую коррупцию, до 100, означающей очень чистую систему. Исследование эффективности антикоррупционных мер, принятых различными азиатскими странами, выявило цикл неудач в борьбе с коррупцией, возникающий из-за зависимости правительств от коррумпированных политических лидеров и полиции, а также множественности антикоррупционных агентств. Этот цикл должен быть разорван для успеха азиатских стран в борьбе с коррупцией [12, с. 96].

Эффективная защита информаторов составляет критически важный компонент комплексной антикоррупционной системы. Для повышения эффективности программы защиты информаторов необходимо усиливать осведомленность о программе и доступ к ней, поскольку люди должны знать о ее существовании, принципах работы и способах доступа. Недостаточно только обещать конфиденциальность сообщений информаторов, необходимы соответствующие контроли и механизмы отчетности, обеспечивающие возможность сохранения анонимности информаторов при их желании. Это означает использование системы, присваивающей каждому сообщению номер дела и исключающей любую информацию, потенциально идентифицирующую информатора, такую как его подразделение или должность.

Каждое дело должно обрабатываться в соответствии с заранее определенным и хорошо публикуемым протоколом, направленным на защиту информатора превыше всего. Южная Корея разработала комплексную систему защиты информаторов, включающую несколько статей в законодательстве о мерах защиты, включая гарантии сохранения должности информатора, физической безопасности, конфиденциальности, предотвращения неблагоприятных последствий и вознаграждения. Согласно статье 62-2 соответствующего закона информаторы могут обратиться в Комиссию по борьбе с коррупцией и гражданским правам с просьбой о принятии мер для сохранения их статуса в организациях. Статья 64-2 позволяет информаторам запрашивать безопасность у Комиссии, которая затем может попросить полицию обеспечить защиту.

Закон о защите информаторов, действующих в общественных интересах, имеет аналогичные положения для защиты информаторов в делах, связанных с общественными интересами. Согласно статье 17 этого закона информаторы могут обратиться в Комиссию с просьбой о принятии мер для сохранения их статуса в организациях. Подобно закону о предотвращении коррупции, статья 13 поз-

воляет информаторам запрашивать безопасность у Комиссии, которая затем может попросить полицию обеспечить защиту. Согласно анализу, опубликованному Региональной антикоррупционной инициативой в 2021 г., законодательство о защите информаторов в существенной степени соответствует стандартам директивы Европейского союза в отношении прав информаторов, с некоторыми незначительными исключениями.

Статья 7 законодательства о защите информаторов предоставляет информаторам право на защиту их идентичности, информаторам гарантируется право на конфиденциальность источников сообщаемой информации. Исследователи пришли к выводу, что развитие правовой базы, регулирующей защиту информаторов, не гарантирует защиту прав информаторов, поскольку должным образом функционирующая судебная и правоприменительная экосистема столь же важна, как существование и правоприменение законодательства. Ограниченный доступ к информации остается ключевым вызовом для оценки эффективности защиты информаторов и важности прозрачности в отношении результатов дел.

Исследование роли климата, ориентированного на этику, этического лидерского поведения, структурных положений для управления этикой и осведомленности о законах защиты информаторов в усилении воспринимаемой работниками защиты показало, что осведомленность о законах защиты информаторов положительно влияет на воспринимаемую организационную защиту информаторов во всех четырех изученных странах. Климат, ориентированный на этику, был эффективен в улучшении воспринимаемой защиты в материковом Китае, Малайзии и Соединенных Штатах, в то время как этическое лидерство имело положительное влияние в материковом Китае, Тайване и Соединенных Штатах. Коалиция гражданского общества по Конвенции ООН против коррупции предложила несколько мер для более эффективной реализации директивы, призывая государства-участники создать системы защиты информаторов, выходящие за рамки стандартов, введенных директивой Европейского союза, включая создание фонда для предоставления информаторам юридической, финансовой и психологической поддержки.

Вместе с тем необходимо отметить, что наличие коррупции в той или иной мере имеет место и в западном обществе. Индекс восприятия коррупции формирует достаточно положительные тенденции зарубежных стран в борьбе с коррупцией, однако практика также демонстрирует широкие масштабы распространения коррупционных деяний. Так, можно привести примеры обвинений в коррупции Урсулы фон дер Ляйен, задержания Ф. Могерини, С. Саннино, а также их предшественников, которые были уличены в мошенничестве и коррупции. Так, например, обвинения в адрес фон дер Ляйен возникли еще в 2019–2024 гг. В январе 2023 года The New York Times потребовала через суд доступ к ее переписке с главой Pfizer Альбертом Бурлой, в которой, по предположениям изда-

ния, обсуждалась закупка 1,8 млрд доз вакцины за €35 млрд для ЕС, при этом журналисты заподозрили, что она могла оказывать влияние на переговоры и способствовать закупкам, превышающим реальные потребности [13].

Несмотря на очевидный прогресс в развитии антикоррупционных систем, экспертное сообщество выделяет ряд направлений, требующих дальнейшего совершенствования. Глобальная тенденция демонстрирует стагнацию усилий по борьбе с коррупцией, при этом глобальный средний показатель Индекса восприятия коррупции за 2024 год остается на уровне 43 баллов, не показывая значительного прогресса. Более двух третей стран набрали менее 50 баллов, что подчеркивает системные проблемы в обеспечении прозрачности и верховенства права. Юридические эксперты Transparency International Russia считают, что значимый прогресс в решении проблемы коррупции в России возможен только через радикальное повышение прозрачности государственных институтов, восстановление общественного надзора и последовательные усилия по усилению подотчетности правительства.

2025 год знаменует поворотный момент, поскольку политические изменения, заложенные на выборах 2024 года, начинают формировать приоритеты правоприменения в области борьбы с коррупцией по всему миру. Антикоррупционные технологии на основе искусственного интеллекта представляют новые возможности, однако важно признавать центральную роль человеческих и институциональных элементов в антикоррупционных усилиях. Новые технологии не являются универсальным решением и будут эффективны только в случае хорошей интеграции в государственные процессы и соответствия навыкам людей, которые должны их использовать. Обучение и наращивание потенциала будут иметь существенное значение для преодоления разрывов в возможностях, в то время как осознано лояльное руководство будет необходимо для реализации правовых реформ и надзорных структур, необходимых для обеспечения эффективного внедрения.

Поддержка со стороны антикоррупционных заинтересованных сторон в правительстве, частном секторе и гражданском обществе также имеет решающее значение для этого стремления. Технологии, такие как искусственный интеллект, машинное обучение и продвинутая аналитика, требуют больших объемов надежных данных, что требует сотрудничества и обмена информацией. Общественное понимание и доверие, этичное использование данных и справедливый доступ к технологиям являются существенными для обеспечения долгосрочного успеха. В Азиатских странах цикл неудач в борьбе с коррупцией должен быть разорван для достижения успеха, что требует преодоления зависимости от корумпированных политических лидеров и реформирования множественных антикоррупционных агентств.

Предыдущие исследования теоретизировали фундаментальное напряжение между обеспечением организационного соответствия и достижением соци-

альных целей, обнаружив, что усилия по устранению разрыва между политикой и практикой в управлении коррупцией и другими сложными глобальными проблемами могут усугублять разрыв между средствами и целями. Однако эти исследования склонны применять довольно статичный подход к весьма оценочным и динамичным процессам. Полная реализация Конвенции ООН против коррупции является значимым первым шагом, который страны могут предпринять для снижения коррупции в фармацевтическом секторе, однако без более широкой приверженности культурам прозрачности и институциональной честности одно лишь антикоррупционное законодательство вряд ли будет достаточным для обеспечения долгосрочного устойчивого надлежащего управления.

На основе проведенного анализа можно сформулировать комплексную программу мер по совершенствованию действующей системы борьбы с коррупцией, охватывающую институциональные, правовые, технологические и социокультурные аспекты. Первостепенное значение имеет укрепление институциональной независимости антикоррупционных органов и обеспечение их достаточными ресурсами для выполнения возложенных функций. Необходимо преодолеть фрагментацию антикоррупционных усилий путем создания эффективных механизмов координации между различными ведомствами, включая правоохранительные органы, контрольно-надзорные службы, органы прокуратуры и специализированные антикоррупционные подразделения.

Совершенствование правовой базы должно включать устранение пробелов в регулировании коррупции в частном секторе, усиление норм о защите информаторов и свидетелей, ужесточение ответственности за коррупционные правонарушения. Особое внимание следует уделить разработке эффективных механизмов конфискации и возврата активов, полученных коррупционным путем, что соответствует фундаментальным принципам антикоррупционного права, без которых не может быть возмещен финансовый ущерб от коррупции. Создание транснационального механизма возврата активов могло бы предоставить множество услуг государствам по запросу, включая сбор и публикацию информации, оказание технической помощи и наращивание потенциала, помощь в заключении соглашений о возврате активов и мониторинг возвращенных средств.

Цифровая трансформация антикоррупционной деятельности требует системных инвестиций в развитие технологической инфраструктуры и подготовку специалистов. Внедрение искусственного интеллекта для автоматического анализа предложений в государственных закупках, выявления аномалий и прогнозирования результатов тендеров должно стать приоритетным направлением. Технология распределенных реестров обеспечивает децентрализованное и защищенное хранение данных, что исключает возможность их подделки и манипуляций. Развитие систем открытых данных и публичных реестров позволит обеспечить общественный контроль за деятельностью государственных органов и повысить прозрачность принятия решений.

Усиление превентивных механизмов предполагает расширение практики декларирования доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера на более широкий круг должностных лиц, занимающих потенциально коррупционные должности. Необходимо внедрить эффективные системы проверки достоверности представляемых сведений с использованием технологий автоматического сопоставления данных из различных источников. Механизмы урегулирования конфликта интересов должны стать более оперативными и действенными, обеспечивая своевременное выявление потенциальных конфликтов и принятие адекватных мер по их устранению.

Развитие международного сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией требует активизации участия в механизме обзора реализации Конвенции ООН против коррупции с обеспечением полной прозрачности процесса и вовлечения гражданского общества. Необходимо усилить обмен информацией с зарубежными правоохранительными органами, особенно в части розыска, ареста и конфискации активов, находящихся за рубежом. Участие в международных инициативах по повышению прозрачности бенефициарного владения и автоматическому обмену налоговой информацией будет способствовать противодействию трансграничным коррупционным схемам.

Формирование культуры нетерпимости к коррупции в обществе предполагает реализацию долгосрочных образовательных программ, начиная со школьного возраста и охватывая все уровни профессионального образования. Необходимо развивать механизмы вовлечения гражданского общества в мониторинг государственных решений и расходования бюджетных средств, создавать эффективные каналы обратной связи между гражданами и властью. Средства массовой информации и независимые журналистские расследования должны получить надежную правовую защиту и доступ к информации о деятельности государственных органов в рамках законодательства о доступе к информации.

Оценка эффективности антикоррупционных мер должна основываться на системе объективных индикаторов, включающих не только статистику выявленных правонарушений и привлеченных к ответственности лиц, но и данные о динамике коррупционных рисков в различных сферах государственного управления, уровне общественного доверия к институтам власти, экономических потерях от коррупции. Регулярный независимый мониторинг и публичная отчетность о результатах реализации антикоррупционных программ обеспечат своевременную корректировку стратегии и тактики борьбы с коррупцией.

Особое внимание следует уделить наиболее коррупциогенным сферам, включая государственные закупки, строительство и эксплуатацию инфраструктурных объектов, предоставление государственных услуг, правоохранительную и судебную деятельность, здравоохранение и образование. В каждой из этих

сфер необходимо провести анализ коррупционных рисков и разработать специфические меры по их минимизации, включающие упрощение и стандартизацию процедур, усиление контроля, цифровизацию процессов и повышение прозрачности принятия решений. Внедрение систем управления рисками в государственных органах позволит перейти от реагирования на выявленные факты коррупции к их упреждающему предотвращению.

Заключение

Комплексная оценка действующих систем борьбы с коррупцией свидетельствует о неоднородности достигнутых результатов в различных юрисдикциях и сохраняющихся системных вызовах, требующих инновационных решений. Анализ международного опыта демонстрирует, что наиболее успешные антикоррупционные системы характеризуются комплексным подходом, сочетающим строгое правоприменение, развитые превентивные механизмы, широкое применение цифровых технологий и высокий уровень общественного участия. Статистические данные подтверждают возрастающую активность правоохранительных органов в выявлении коррупционных правонарушений, что отражается в росте количества возбужденных уголовных дел и применении дисциплинарных санкций к должностным лицам.

Вместе с тем международные рейтинги восприятия коррупции указывают на сохраняющиеся проблемы в обеспечении системной прозрачности государственного управления и эффективности антикоррупционных институтов. Разрыв между формальным наличием правовых норм и их практической реализацией остается одной из ключевых проблем, требующих решения через усиление институционального потенциала, повышение квалификации специалистов и развитие механизмов общественного контроля. Цифровая трансформация открывает беспрецедентные возможности для предотвращения и выявления коррупции, однако требует значительных инвестиций в технологическую инфраструктуру и человеческий капитал.

Предложенная программа совершенствования антикоррупционной системы основывается на лучших международных практиках и адаптирована к специфике различных национальных контекстов. Ее успешная реализация требует политической воли, межведомственной координации, достаточного ресурсного обеспечения и широкой общественной поддержки. Только комплексный подход, сочетающий правовые, институциональные, технологические и социокультурные меры, способен обеспечить устойчивое снижение уровня коррупции и формирование культуры честности в государственном управлении. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на оценке эффективности конкретных антикоррупционных инструментов и механизмов их адаптации к меняющимся условиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Old Problem, Modern Solution: Emerging Technologies for Anti-Corruption | АПЕС // www.apec.org URL: <https://www.apec.org/press/blogs/2025/old-problem--modern-solution--emerging-technologies-for-anti-corruption> (дата обращения: 23.11.2025).
2. Коррупция в России // www.tadviser.ru URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Коррупция_в_России (дата обращения: 23.11.2025).
3. Tennant I., Paula Oliveira A. Applying the right lessons from the negotiation and implementation of the UNTOC and the UNCAC to the implementation of the newly agreed UN 'cybercrime'treaty // Journal of Cyber Policy. – 2024. – Т. 9. – № 2. – С. 221-238.
4. Integrity and anti-corruption strategies: Government at a Glance 2025 | OECD // www.oecd.org URL: https://www.oecd.org/en/publications/2025/06/government-at-a-glance-2025_70e14c6c/full-report/integrity-and-anti-corruption-strategies_9ecb07c9.html (дата обращения: 23.11.2025).
5. Номоконов В.А., Судакова Т.М. Антикоррупционная безопасность и ее синергетический потенциал // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 18. – № 8. – С. 1486-1496.
6. Прокуратура оценила ущерб от коррупции в 2022 году в более 37 млрд руб. — РБК // www.rbc.ru URL: <https://www.rbc.ru/society/09/12/2022/639296d89a7947dce491f2f5> (дата обращения: 23.11.2025).
7. Портал правовой статистики. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // <http://crimestat.ru> URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.12.2025).
8. Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс // www.consultant.ru URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 23.11.2025).
9. Идиатуллина К.С., Натапова Н.В. К вопросам противодействия коррупции в государственных органах: опыт социологического исследования // Казанские социологические чтения: Сб. науч. тр. VII Междунар. конф., Казань, 17-18 мая 2024 года. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. – С. 165-168.
10. Wyeth R., Rella L., Atkins E. The material geographies of Bitfury in Georgia: Integrating cryptoasset firms into global financial networks // Environment and Planning A: Economy and Space. – 2024. – Т. 56. – № 3. – С. 816-832.

11. Ботирова Б.Н. Коррупция и ее угроза социально-экономической стабильности // Экономика и социум. – 2025. – № 7-1 (134). – С. 368-371.
12. Смирнов С.В. Направления развития интеграционного объединения АСЕАН // Научное обозрение. – 2024. – С. 96.
13. Как Урсула фон дер Ляйен оказалась перед угрозой отставки. – РБК // www.rbc.ru URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2025/686bd2469a79472b0710d655> (дата обращения: 10.12.2025).

REFERENCES

1. San Andres E.A., Vasquez G.N. Old Problem, Modern Solution: Emerging Technologies for Anti-Corruption [Internet]. Singapore: APEC Secretariat; 2025 May 31 [cited 2025 Nov 23]. Available from: <https://www.apec.org/press/blogs/2025/old-problem--modern-solution--emerging-technologies-for-anti-corruption>
2. TAdviser. Corruption in Russia [Internet]. Moscow: TAdviser; [updated 2024; cited 2025 Nov 23]. Available from: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Коррупция_в_России
3. Tennant I., Paula Oliveira A. Applying the right lessons from the negotiation and implementation of the UNTOC and the UNCAC to the implementation of the newly agreed UN 'cybercrime' treaty. J Cyber Policy. 2024;9(2):221-38.
4. OECD. Integrity and anti-corruption strategies. In: Government at a Glance 2025 [Internet]. Paris: OECD Publishing; 2025 [cited 2025 Nov 23]. Available from: https://www.oecd.org/en/publications/2025/06/government-at-a-glance-2025_70e14c6c/full-report/integrity-and-anti-corruption-strategies_9ecb07c9.html
5. Nomokonov V.A., Sudakova T.M. Anti-corruption security and its synergetic potential. J Sib Fed Univ Humanit Soc Sci. 2025;18(8):1486-96.
6. RBC. The Prosecutor General's Office estimated the damage from corruption in 2022 at more than 37 billion rubles [Internet]. Moscow: RBC; 2022 Dec. 9 [cited 2025 Nov 23]. Available from: <https://www.rbc.ru/society/09/12/2022/639296d89a7947dce491f2f5>
7. Legal Statistics Portal. Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation [Internet]. [cited 2025 Dec. 10]. Available from: http://crimestat.ru/offenses_map
8. Russian Federation. Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 "On Combating Corruption" [Internet]. Moscow: ConsultantPlus; [cited 2025 Nov 23]. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

9. Idiatullina K.S., Natapova N.V. On issues of anti-corruption in government bodies: experience of sociological research. In: Kazan Sociological Readings: Proceedings of the 7th International Conference; Kazan; May 17–18, 2024. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University. 2024; 165-68.
10. Wyeth R., Rella L., Atkins E. The material geographies of Bitfury in Georgia: Integrating cryptoasset firms into global financial networks. Environ Plan A. 2024;56(3):816-32.
11. Botirova B.N. Corruption and its threat to socio-economic stability. Economy and Society. 2025;7-1(134):368-71.
12. Smirnov S.V. Directions for the development of the ASEAN integration association. Scientific Review. 2024:96.
13. RBC. How Ursula von der Leyen Faced Threat of Dismissal [Internet]. Moscow: RBC; 2025 Jul 7 [cited 2025 Dec 10]. Available from: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2025/686bd2469a79472b0710d655>

Информация об авторе: Моторо Юрий Владимирович, магистрант направления подготовки «Государственное и муниципальное управление», Московский университет имени С.Ю. Витте,
г. Южно-Сахалинск, Россия,
yuriiimoto@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author: Y.V. Mоторо, Master's student in the field of study "State and Municipal Administration", Witte Moscow University,
Yuzhno-Sakhalinsk, Russia,
yuriiimoto@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 04.12.2025

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 17.12.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.12.2025

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests